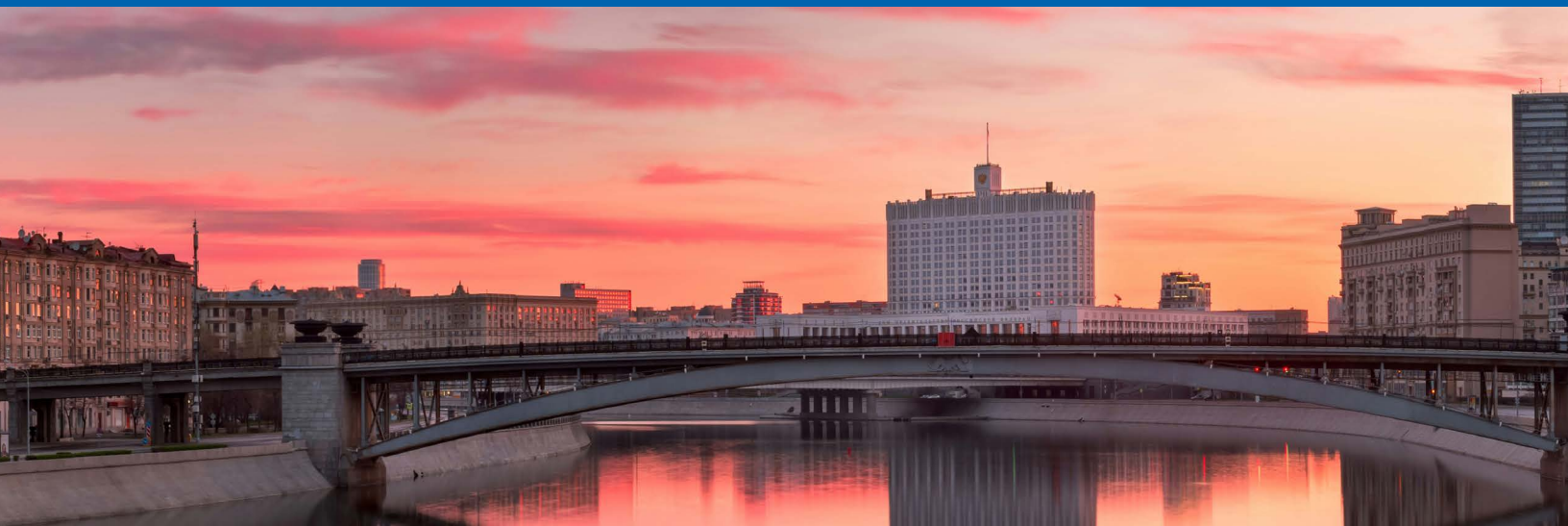

Проект «Транзит»

Властные КОАЛИЦИИ

Подходы и вероятный состав участников
постпутинского транзита

2024

Василий Жарков

историк, приглашенный лектор PhD в Европейском гуманитарном университете (Вильнюс, Литва)

Предметом этой главы служат вероятные (иногда вполне желательные) акторы политических перемен в России после Путина и их возможные объединения для большей демократизации жизни страны. Решение поставленной задачи представляется предельно сложным, но все же попытаемся предложить видение возможных контуров будущего исходя из собственных наблюдений за динамикой ситуации в российском обществе и действующих элитах.

Сложившийся на протяжении последних 20 с лишним лет режим личной власти в России можно определить как классическую версию плебисцитарной диктатуры, где процедура выборов сводится к аккламации (безусловной поддержке) правящего лидера и его партии путем всеобщего голосования. Подобный способ правления в литературе именуют также бонапартизмом по имени императора Луи-Наполеона Бонапарта III, чья «народная монархия» во Франции 1852—1871 гг. считается первым примером подобного плебисцитарного режима¹. Империя Наполеона III закончилась внешнеполитической авантюрой и позорным поражением во Франко-прусской войне, после которого Франция в третий раз за свою историю была провозглашена республикой.

Поначалу мало кто верил в успех этого безнадежного дела. Первым президентом новой Французской Республики до принятия новой конституции страны стал Адольф Тьер, историк и политик со взглядами весьма умеренного и скрытного либерала. Карьера Тьера началась с коррупционных скандалов с его участием в правительстве времен Луи-Филиппа, продолжилась исполнением роли карманной оппозиции его величества Наполеона III и ближе к завершению отметилась жестоким подавлением восстания коммунаров в Париже в 1871 г. Современники злословили, что он пришел в правительство нищим как церковная мышь, а ушел миллионером. Карл Маркс и вовсе называл его «кровавым карликом», помимо прочего отмечая его чрезвычайную надменность и спесь. Другие авторы говорили, что на протяжении большей части своей жизни Тьер

¹ Юдин Г.Б. Россия как плебисцитарная демократия // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 2. С. 29—34.

искусно маскировал свои либеральные взгляды государственнической риторикой.

Тем не менее именно такой неприятный человек обеспечил переход к Третьей республике, просуществовавшей 70 лет, вплоть до взятия Парижа гитлеровскими войсками в 1940 г. До сих пор Третья республика остается самым продолжительным периодом относительно стабильного, свободного и конкурентного политического режима во Франции.

В соответствии с логикой истории поражение в войне против Украины должно сломать хребет путинскому режиму точно так же, как неудачи предыдущих военных авантур подводили черту под существованием аналогичных плебисцитарных режимов в Европе. Однако в этой трагедии ничто не предопределено, согласно известному высказыванию британского социолога Теодора Шанина «Иное всегда дано»². По мере затягивания военного конфликта и в сочетании с относительной устойчивостью российской экономики политическая стагнация и архаизация России может продолжаться еще довольно долго. В этой связи можно только согласиться с профессором Университета Хельсинки Владимиром Гельманом: в случае с шансами на успех постпутинского транзита [«фактор времени гораздо важнее, чем глубина падения»](#). Спустя десятилетие может наступить момент «невосполнимого упадка», когда уже крайне трудно будет найти общественные силы и лидеров, способных возглавить процесс успешного демократического перехода.

Есть ли будущее у России как демократической страны и как части современного мира, определяется прямо сейчас. Формулируя ответ на вопрос о возможном составе участников постпутинского политического транзита, необходимо согласиться с тезисом о «вычитании» самого Путина как первейшем необходимом условии для старта любого из сценариев перемен в стране и ее отношений с внешним миром. Война в Украине служит главным источником власти Путина, а сама эта власть стала практически единственной гарантией сохранения его личной свободы и даже жизни. Поэтому военные действия будут продолжаться ровно столько, сколько Путин будет оставаться у власти. При этом его власть давно приобрела пожизненный характер.

2 По устным воспоминаниям современников, таким был ответ Т. Шанина своей коллеге Т.И. Заславской и другим авторам вышедшего в свет в 1988 г. сборника публицистических статей в поддержку горбачевской перестройки «Иного не дано».

Таким образом, политический порядок в сегодняшней России держится на следующей триаде:

- Война Путина, которая обеспечивает его власть;
- Власть Путина, которая гарантирует его жизнь;
- Жизнь Путина, которая питается его властью и войной.

Вооруженные силы Украины при активной поддержке альянса западных стран во главе с США прямо сейчас пытаются разрушить эту триаду, организуя контрнаступление на фронте. Однако события на поле боя в течение 2023 г. показали значительные ограничения в организации сопротивления путинской агрессии и ставят под серьезный вопрос перспективы быстрой и убедительной победы над российской армией. Пока все выглядит так, что пока Путин жив, он будет способен сохранять свою власть и продолжать начатую войну. Возможно ли решение сложившейся проблемы, если подступиться к ней с другого конца описываемой триады? Ответ на этот вопрос находится у ближайшего окружения диктатора и у тех, кто имеет доступ в его спальню. Мысли, чувства и намерения этих людей находятся за пределами наблюдаемого нами поля. Они вряд ли будут руководствоваться теми же мотивами, которым могли бы следовать представители оказавшейся в эмиграции радикальной оппозиции.

Предсказать точный набор участников перемен невозможно, даже если желаемые события начнутся прямо завтра. Тем более невозможно говорить об этом применительно к дистанции в пять и более лет. Тем не менее мы попытаемся сделать невозможное и заглянуть в то будущее, которого хотели бы для себя и своей страны.

Чем дальше от дня сегодняшнего будет отодвигаться горизонт возможных перемен, тем ниже вероятность прогнозирования конкретных ситуаций и раскладов. Говоря о будущем, исходим из текущего анализа ситуации на основании накопленных в течение последних лет релевантных данных о политических настроениях и ожиданиях в России. Эти данные представлены в полстерах³, глубинных интервью и строящихся на их основе аналитических материалах, опубликованных в последние несколько лет. Разумеется, акцент будет делаться на исследованиях и публикациях, появившихся после начала активной фазы войны в феврале 2022 г.⁴

3 Полстеры — в данном случае опросы общественного мнения.

4 Поскольку подготовка академических публикаций занимает больше времени, чем прошло с начала активной фазы войны, основное внимание в анализе релевантных исследовательских позиций нацелено на актуальные аналитические комментарии и экспертные интервью ведущих ученых качественным СМИ.

Ключевым триггером к переменам с наибольшей вероятностью может стать изменение позиции части управляющего класса в контексте обострения борьбы за выживание и сокращающиеся ресурсы. Отсюда закономерный первоочередной интерес к текущей диспозиции внутри элит и ее возможному изменению в обозримом будущем.

Но **подлинная демократизация России невозможна без участия ее народа**. Его включение в процесс политических изменений необходимо не только потому, что по Конституции именно многонациональный российский народ является источником власти в стране. Демократизация нигде невозможна без учета интересов и чаяний широких общественных слоев. Как справедливо [заметил](#) декан факультета политологии Европейского университета в Санкт-Петербурге Григорий Голосов в связи с возможными первыми выборами после Путина, «если предпочтения народа не будут учтены, то у него сформируется чувство глубокого разочарования» от результатов выборов и процедур демократии как таковых.

Российская либеральная оппозиция долгое время находилась под влиянием мифа об ужасном русском народе, который по своей природе консерватор, монархист и погромщик. Из этой демофобии в конце 1990-х родился сегодняшний авторитарный режим. В будущем демократическом транзите необходимо извлечь уроки из этой ошибки, превратив выборы из «политической технологии» в момент общего дела всех активных граждан. Однако ключ к решению этой задачи находится сегодня скорее в руках элит. Поэтому свое конструирование вероятных властных коалиций мы все же начнем с анализа возможностей перегруппировки в коалиции элит. Далее отдельное внимание будет уделено политическим предпочтениям в российском обществе и возможному раскладу по итогам первых выборов после ухода Путина. Наконец, третья часть главы будет посвящена рекомендациям оппозиции по взаимодействию с потенциальными агентами перемен внутри сегодняшней России.

10.1. Перегруппировка в правящей коалиции элит

Чтобы ответить на вопрос о возможных контурах будущего соглашения элит, нужно разобраться с текущими особенностями и противоречиями внутри их правящей коалиции. Пройдя от общей оценки через анализ релевантных подходов к описанию структуры и состава управляющего класса в России, мы попробуем дать ответ на главный вопрос о возможностях диалога с существующими группами элит.

10.1.1. Общая оценка российской элиты, этика и прагматика

В экспертных оценках российской элиты в литературе доминирует морально-этический подход. Это характерно не только для авторов из условного лагеря либеральной оппозиции, но и для многочисленных критиков существующего порядка со стороны противников либерализма. С одной стороны, и на страницах этой монографии большинство представителей элиты называются «чистыми оппортунистами»⁵. С другой стороны, представители левопатриотического фланга в относительно свежих академических публикациях в России ставят неутешительный диагноз российской элите. Среди присущих ей черт называются высокая степень коррумпированности, граничащая с «холопством» беспринципность и выражающееся в приверженности двойным этическим стандартам «фарисейство»⁶. Этот высказываемый с той или иной степенью резкости моральный диагноз можно считать общепринятой точкой зрения среди экспертов, оппозиционных политиков и даже самих представителей российской элиты. Вряд ли кто-то сегодня решится говорить об управляющем классе в сегодняшней России как о собрании лучших представителей общества.

Директор проекта Re: Russia Кирилл Рогов [замечает](#), что российские элиты сейчас не демонстрируют «воли к сдерживанию Путина». Поэтому сама необходимость диалога с ними или опоры на них в поисках возможностей для постпутинского транзита вызывает большие сомнения. Российская элита бессубъектна в политическом плане и не представляет значимого интереса как среда воспроизводства вероятных агентов перемен. Подобная точка зрения достаточно популярна среди российских политических эмигрантов. Правда, одновременно могут звучать [предположения](#), что в условиях военного и экономического коллапса «российская элита может отстранить от власти Путина и начать переговоры с Западом».

При этом исследователи отмечают, что российская элита деполитизирована не меньше, чем общество в целом. Аполитичность на протяжении десятилетий и [была главным условием](#) «доступа» в путинскую элиту. Политизация технократических элит в сегодняшней России

5 Подробнее см. Главу 1.

6 Кочетков А.П., Моисеев В.В. Российская политическая элита как субъект социально-экономической политики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 246—248.

представляется не меньшей задачей, чем политизация народа. Пока же вместо строящихся на осознанной ценностной базе политических взглядов представители российской элиты демонстрируют упомянутое «холопство». По мнению даже вполне лояльных режиму исследователей, оно выражается в безоговорочной преданности президенту и приоритетному следованию клановым и собственным корыстным интересам⁷. Таким образом, на образ мысли и действия российской элиты определяющее влияние оказывают три основных фактора:

- В мотивации преобладает следование собственным или узкогрупповым меркантильным интересам в полном отрыве от понимания общественного блага и связанных с ним политических ценностей;
- Продвижение по карьерной лестнице и получение новых статусных возможностей для личного обогащения происходит исключительно за счет воли вышестоящего начальства и в первую очередь верховного сюзерена — президента Путина;
- В отношении государственной власти наблюдается практически полное отсутствие общественного контроля — нынешняя российская элита очень близка к народу культурно и безмерно оторвана от него в плане необходимости соблюдения общих правил и политической ответственности.

Первейшим следствием подобных характеристик элиты стала крайняя степень неравенства в России 2010-х. Еще в 2016 г. приглашенный профессор Гарвардского университета Томас Ремингтон констатировал, что материальное неравенство в России оказалось самым высоким в мире⁸. Рост этого неравенства объясняется тем фактом, что непропорционально высокие доходы доставались находящимся в верхней части распределения доходов представителям управленческой элиты. Подобные тенденции обусловлены ресурсным характером российской экономики и соответствующей институциональной структурой страны.

Последние предвоенные исследования российской элиты показывают, что к концу 2010-х гг. в руках 10% самых богатых российских граждан оказалось сосредоточено 83% всего личного благосостояния в стране⁹ (для сравнения, в США этот показатель в то же самое время составил 76%).

7 Кочетков А.П., Моисеев, В.В. Указ. соч. С. 247.

8 Remington T.F. Economic Inequality in Russia: Sources and Consequences // Russian Analytical Digest // 2016. № 187. P. 4-9.

9 Кочетков А.П., Моисеев В.В. Указ. соч. С. 248.

При этом по предвоенной статистике число бедных в стране превышало 19 миллионов человек, а 80% российских семей испытывали трудности с приобретением необходимого минимума товаров в пределах суммы регулярно получаемых доходов¹⁰. В долгосрочной перспективе такой уровень экономического неравенства, по мнению профессора Ремингтона, может сыграть роль дестабилизирующего фактора¹¹. Однако до сих пор представители элиты в России демонстрируют чудеса устойчивости и живучести.

В характеристике российской элиты можно обнаружить целый комплекс парадоксов. Констатация аполитичности и отсутствия субъектности управляющего класса диссонирует с ожиданиями отстранения Путина от власти и начала переговоров с Украиной и Западом. Низкие личные качества собирательного образа представителей российских верхов не мешают им удерживать в своих руках колоссальную долю богатств в стране. Наконец, исследователи [констатируют](#) чрезмерную степень недоверия и атомизации в среде элиты и одновременно наблюдают огромную роль личных связей и выстраивания сетей доверия для достижения управленческих задач¹².

Все эти парадоксы объясняются крайней закрытостью исследовательского поля, которое представляет собой российская политическая элита. После начала полномасштабных военных действий в феврале 2022 г. эта закрытость стала практически тотальной, чиновники и представители руководства крупных компаний отказываются говорить с журналистами и исследователями. **Управляющий класс в России напоминает герметичный черный ящик. О том, что происходит внутри этого ящика, мы можем судить по немногочисленным и неоднозначным в своей трактовке сигналам.** Возможно, момент открытия этого ящика Пандоры и станет началом конца путинской системы.

В числе редких источников, позволяющих судить о положении дел внутри российской элиты, может быть назван опрос представителей российских элит, проводившийся с 1993 по 2020 гг. под руководством профессора Мичиганского университета Уильяма Циммермана. В

10 Там же. С. 249—250.

11 Remington, T.F. Ibid. P. 4.

12 В России этим вопросом на протяжении предшествующего десятилетия [занимался](#) Международный центр изучения институтов и развития Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики во главе с тогдашним проректором НИУ ВШЭ А.А. Яковлевым.

нескольких волнах этого масштабного исследования участвовали от 180 до 320 человек. Всего за 27 лет были опрошены 1909 представителей высших эшелонов законодательной и исполнительной власти, силовых органов, госкорпораций, частного бизнеса, СМИ и научных и образовательных учреждений России. Последняя волна [опроса](#), охватившая 245 респондентов, прошла в феврале-марте 2020 г. Огромный массив собранных данных позволяет исследователям рассматривать их как релевантную исследовательскую базу даже после начала боевых действий в Украине.

Интерпретация проведенных опросов позволяет говорить о достаточно высокой, но далеко не тотальной индоктринации представителей российской элиты милитаристскими и великодержавными идеями. Так, в 2020 г. только 46% высокопоставленных респондентов в России на словах были согласны с допустимостью использования армии в целях защиты «интересов российских граждан в других странах» (для сравнения, в 2012 г. этот показатель составлял 42%, а в 2016-м упал до 19%). В пользу возможности использования вооруженных сил для защиты «интересов россиян, проживающих в бывших республиках СССР» накануне пандемии коронавируса высказались 52% российских элитариев (максимального значения за все годы исследования — 65% — этот показатель достиг в 2012 г.). Получается, что только половина российского управляющего класса накануне войны была морально готова принять ее на уровне общего рассуждения.

С точки зрения возможного отношения к текущей войне может быть интересен еще один показатель: за 25 лет, с 1995 по 2020 гг. число сторонников идеи присоединения Украины к России среди статусных участников опроса сократилось с 65% до 5%. Фактически это означает, что за годы постсоветского транзита в российской элите созрело представление об Украине как независимой и отдельной от Российской Федерации стране. Разумеется, этих представителей элиты поставили перед фактом начала «специальной военной операции» 24 февраля 2022 г. Как и остальные граждане страны, они пока что вынуждены мириться с новой реальностью войны с соседней страной и всем западным миром.

Под конец этого раздела хотелось бы коротко затронуть еще одну характеристику российской элиты, связанной с ее возрастной и поколенческой динамикой. Прямо накануне войны в январе 2022 г. интернет-издание «Важные истории» опубликовало исследование среднего возраста ближайшего окружения Путина. Самым «возрастным»

органом власти в России оказался Совет безопасности, который менее чем через месяц после публикации собрался на свое памятное заседание для одобрения начала войны. Журналистам удалось подсчитать, что медианный возраст членов Совбеза на тот момент составлял 65 лет. В начале 2022 г. доля пенсионеров в этом властном органе оказалась на уровне 57%. Аналогичные, хотя и чуть более низкие возрастные пределы демонстрировали все органы высшей федеральной власти. Авторы исследования [констатировали](#) очевидное: «Чем ближе к президенту, тем заметнее старение и ниже сменяемость власти». Известный российский публичный политолог Екатерины Шульман охарактеризовала управляющее страной путинское окружение как «пенсионеров из гаражей».

Теперь эти пенсионеры тянут страну за собой на тот свет. Не случайно профессор Гельман [настаивает](#) на серьезных структурных изменениях в российском политическом классе, в результате которых действующих руководителей страны «в более чем зрелом возрасте» должны будут навсегда уступить место более современным и образованным людям. Это необходимое, хотя и недостаточное условие для реальных перемен.

В течение предшествовавшего войне десятилетия в управленческую элиту успели прийти молодые технократы, обладающие знаниями и навыками современного менеджера мирового уровня. У многих представителей среднего звена российской бюрократии и тем более в руководстве госкорпораций в кармане качественные западные дипломы, как и владение современными технологиями. Эти люди со своими возможными скелетами в шкафу, но они могли бы стать частью будущей властной коалиции перемен в России.

10.1.2. Актуальные подходы к описанию структуры элиты

В журналистском подходе российскую элиту обычно принято делить на две базовые группы — технократов (ранее системных либералов) и силовиков. Последние принадлежат к «партии силового перераспределения богатства». Эта «силовая партия» постоянно наращивала свои позиции на протяжении всего путинского правления. На третьем десятилетии режима Путина гегемония силовиков привела не только к открытой агрессии против Украины и к косвенному столкновению с Западом, но и к [«одновременному нападению на внутренний Запад»](#). Это нападение поставило под вопрос все результаты и достижения внутренней модернизации России последних 30 лет, создававшиеся в том числе при непосредственном участии других

элитных когорт.

Здесь самое время усложнить описываемую картину, добавив актуальный академический взгляд на нее. На основании концепции Дугласа Норта приглашенный исследователь Центра Дэвиса в Гарвардском университете Андрей Яковлев [выделяет](#) три группы в правящей коалиции элит, которая формируется в России в контексте президентских выборов 1996 г. Эти три ключевые группы составляют высшая федеральная бюрократия, политически связанный с ней крупный бизнес (олигархи) и руководители силовых структур (силовики).

Первоначально в управлявшем постсоветской России тройственном союзе преобладали олигархи на фоне бюджетного голода гражданской бюрократии и неудач силовиков в ходе первой чеченской войны, однако после тяжелейшего финансового кризиса 1998 г. крупный бизнес утратил позиции. Медленная концентрация власти в руках силовиков началось со второй чеченской войны, продолжилось делом ЮКОСа в 2003-м и достигла своего апогея с возвращением Путина на президентский пост в 2012 г. Со второй половины 2010-х, после прихода в Администрацию президента Сергея Кириенко во внутриэлитном коалиционном раскладе начали усиливаться позиции технократов. Тогда правящая коалиция не смогла договориться о новом распределении ренты и расширить доступ к экономическим возможностям и политическому участию для новых социальных групп. Как [написал](#) Андрей Яковлев еще в 2021 г., элита «упустила возможность избежать глубокого шока», способного разрушить существующий политический порядок.

Таким шоком для системы и элит стало начало «специальной военной операции». Каким образом каждая из трех групп правящей коалиции элит реагирует на происходящие события? Хуже всего дело должно обстоять у силовиков. Они провалили блицкриг в начале войны, не выполнив обещания верховному главнокомандующему взять Киев за три дня. Позднее они были вынуждены отступить из-под Киева, Харькова и из Херсона. В 2023 г. остановить мятеж Евгения Пригожина удалось только благодаря переговорам. Единственный их результат — им удается удерживать линию фронта от контрнаступления ВСУ и продолжать нещадно бомбить украинские города без серьезных надежд претендовать на что-то большее. Тем временем крупный бизнес занят зарабатыванием на военных поставках и переводом под свой контроль собственности ушедших из России западных инвесторов. Пока в государственном бюджете остаются деньги, дела олигархов идут неплохо. Наконец, гражданская

бюрократия может похвастаться удержанием на плаву экономики страны (экономический блок правительства) и занята освоением средств на «восстановление новых территорий». Каждая из трех групп при деле и при своей ренте. В результате только за первую половину 2023 г. российские олигархи, по данным агентства *Bloomberg*, [ухитрились](#) разбогатеть на \$16,5 млрд. При такой марже мотивация к антивоенным выступлениям и действиям пропадает сама собой. Исправить ситуацию может только резкое сокращение ренты, но экономический блок правительства пока справляется.

Вместе с тем продолжение войны и неизбежный рост ее издержек в дальнейшем может стоить элитам довольно дорого. Старший научный сотрудник Берлинского центра Карнеги по изучению России и Евразии Татьяна Становая считает, что несмотря на отсутствие раскола в российских элитах, все очевиднее два подхода к определению текущих управленческих задач и способов их решения. Сторонников первого подхода можно обозначить как «администраторов», в их число входят министры, губернаторы и высшие военные чины. Представители этой группы располагают огромными административными и материальными ресурсами и боятся их потерять, поэтому в сложившейся ситуации войны они нацелены на решение текущих управленческих задач с минимальными издержками для себя и своей отрасли. К этой категории в равной степени относятся занятая обеспечением устойчивого курса рубля председатель Центрального Банка РФ Эльвира Набиуллина и обеспечивающий сдерживание украинского контрнаступления на фронтах начальник Генштаба Валерий Герасимов. Их подход заключается в максимально возможной мобилизации имеющихся ресурсов без проведения существенных структурных перемен в управлении своей отраслью.

В борьбе за внимание и решения президента «администраторам» все активнее противостоят те, кого Татьяна Становая называет «ревизионистами». Представители этой категории управляющего класса не наделены такими значительными ресурсами, которых боялись бы потерять. При этом они настаивают на серьезной перестройке всей структуры российского общества, которое должно быть переориентировано под нужды войны. В ходе этой перестройки они рассчитывают перехватить контроль над ресурсами у первой группы, которую подозревают в «компрадорской позиции» и скрытой антивоенной повестке. Напряжение и размежевание в подходах между «администраторами» и «ревизионистами» будет нарастать. По [мнению](#) эксперта, «чем дольше длится период неопределенности — ни победы, ни поражения, — тем громче будет

звучать голос ревизионистов». В среднесрочной перспективе это может создать немалые дополнительные риски для «администраторов», которые в случае затягивания войны рискуют потерять позиции.

Характерно, что в описательной модели Татьяны Становой в правящей коалиции элит уже не находится места крупному бизнесу. Он раздавлен и вытеснен силовиками и высшей гражданской бюрократией. Однако предполагаемое столкновение готовится не между двумя этими группами, а между условным «старым боярством» из числа гражданских и силовиков и некой «новой опричниной».

Прямо сейчас правящие элиты оказываются в ситуации выбора:

- дальнейшее сползание системы по кривой упрощения и архаизации, что может стоить им занимаемого статуса и даже жизни;
- устранение источника переживаемого шока (Путина и его войны) с последующим реформатированием системы на условиях расширения доступа более широких общественных слоев к экономическим и политическим возможностям, о чем пишет Андрей Яковлев.

Таким образом, возможных участников коалиции постпутинского демократического перехода необходимо искать среди тех представителей гражданской бюрократии и силовиков, которых Татьяна Становая относит к «администраторам». В их числе наиболее перспективной группой представляются молодые технократы, члены экономического блока правительства и силовики, осознающие весьма ограниченные пределы российской военной мощи. Эта партия «поддерживающей модели»¹³ скорее склонна к оппортунизму во тьме сгущающихся над ними патриотических туч. Отчасти правоту этого подхода подтверждает интервью президента ассоциированного с Администрацией президента фонда «Центр развития региональной политики» Ильи Гращенкова, который [рассуждает](#) о необходимости «дотраивания государства» на условиях относительно большей демократизации и десекьюритизации существующей политической системы. Вопрос в том, как строить отношения со склонной к оппортунизму частью коалиции правящих элит в России.

¹³ Термин заимствован у авторов, критикующих российскую элиту за пораженческие настроения. См. Кочетков А.П., Моисеев В.В. Указ. соч. С. 252.

10.1.3. Возможности диалога с элитами в России

Можно ли проломить стену, за которой сегодня окопался российский управленческий класс? Еще совсем недавно они свободно ездили на Запад, приобретали там недвижимость и пристраивали детей. В условиях санкций эти возможности резко сократились, хотя и не исчезли совсем. Помимо этой санкционной стены, возведенной Западом с одобрения эмигрировавшей части российской оппозиции, над российской элитой довлеет банальный страх. Как [отмечает](#) приглашенный научный сотрудник Берлинского центра Карнеги по изучению России и Евразии Александра Прокопенко, проявление нелояльности Путину и его внешнеполитическому курсу чревато для представителей высшего эшелона власти и бизнеса лишением всех активов, свободы и даже жизни. О последнем свидетельствует череда внезапных и загадочных смертей топ-менеджеров крупных госкорпораций в первые месяцы после начала войны. Страх пока побеждает волю к действию; у элит нет ни временных, ни интеллектуальных ресурсов для объединения, выработки общих ценностей и формулирования желаемого образа будущего.

Поэтому элита выбирает движение по инерции. Возможно, это путь в пропасть, но он выглядит привычным и понятным. В доказательство этого [звучат слова](#) анонимного собеседника из числа высокопоставленных федеральных чиновников:

По крайней мере, за 20 лет научились хотя бы примерно понимать, чего ждать от Начальника (одно из прозвищ Путина) и его камарильи. А куда я уеду под санкциями? Как их снимать, не говорят ни регуляторы, ни адвокаты. Здесь хотя бы понятнее.

В России складывается парадоксальная ситуация, констатирует приглашенный исследователь Центра Дэвиса в Гарвардском университете Андрей Яковлев. С одной стороны, социальная база поддержки Путина сужается в обществе и элитах. С другой стороны, пока невидна альтернативы существующему порядку вещей. Никто в том числе на Западе по большому счету не думает о ясной exit strategy для тех действующих представителей российской элиты, которые могли бы начать движение к переменам внутри страны. В результате гражданская бюрократия и бизнес не видят для себя будущего ни внутри существующей системы, ни тем более в случае ее крушения. Российские элиты выбирают статус-кво, сохраняя лояльность существующему политическому режиму за неимением понятных для себя альтернатив. В поисках выхода из сложившегося тупика профессор Яковлев предлагает начать выработать консенсус «между думающей

частью общества и адекватными группами в элитах», который мог бы запустить процесс реальных политических изменений в России.

Учитывая интересы части задействованной в этом возможном разговоре элиты, предстоящие перемены не должны разрушать оснований их статуса и благополучия. При этом их понимание образа будущего может оказаться гораздо ближе разделяемой экспертами в эмиграции общедемократической повестке¹⁴, чем это можно было бы ожидать. Не случайно даже сделавший при Путине состояние миллиардер Олег Дерипаска на Красноярском экономическом форуме в марте 2023 года заявил, что для привлечения в Россию необходимых для будущего экономики страны иностранных инвесторов «очень важны верховенство права и предсказуемость». В этих словах сформулирован очень важный запрос крупного российского бизнеса. Этот запрос предполагает четкие и понятные правила игры, строящиеся на преемственности устоявшихся норм и делающие жизнь людей предсказуемой. В целом это соответствует представлениям о верховенстве права, существующем в современной политической науке¹⁵.

Учитывая сжатые сроки, образ будущего должен быть прост и понятен всем адресатам в целевой аудитории. Он совершенно не обязательно будет в точности соответствовать полученному в итоге результату, но он должен находить отклик на уровне рассудка и эмоций выбирающей его группы акторов. Для простоты он может описываться в терминах прошлого, которое связано с позитивным личным опытом представителя целевой группы. «Теперь все будет как при бабушке», — с этих обращенных к петербургским вельможам слов начал свое правление русский царь Александр I после того, как придворные заговорщики убили его отца. Идея возвращения к собственному недавнему прошлому как утраченной норме вполне может стать рабочей версией образа будущего, которое побудит часть элит к смещению действующего президента. При этом Путин благодаря весьма немалой продолжительности своего пребывания у власти рискует оказаться и Павлом I, и той самой «бабушкой» в одном лице.

14 В частности, немалый багаж предложений относительно предстоящих реформ представлен проектами [«Реформум»](#) и [Фондом «Свободная Россия»](#).

15 См. например Maravall, J.M., Przeworski, A. Democracy and the Rule of Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Преподаватель Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинки) Никита Савин согласен, что радикализм оппозиции в эмиграции заставляет российские элиты внутри страны спланироваться вокруг Путина. Но одновременно, по его мнению, внутри России происходит зарождение общественного настроения, которое можно было бы назвать «путинизмом без Путина». В случае возможного нарастания усталости от «специальной военной операции» и усиления антивоенных настроений по мере затягивания конфликта в Украине в российских элитах [будет расти](#) желание нормализации режима изнутри за счет возвращения к положению дел до 24 февраля 2022 г.

Вина за развязывание войны в таком случае будет целиком возложена лично на Владимира Путина, потому что эта война — его детище. Однако поскольку базовые принципы его правления представляют очевидную ценность для путинских элит, они вполне могут сохраниться после его ухода. К числу таковых можно отнести рыночную экономику и низкие налоги, авторитаризм в сочетании с природной рентой и консервативные ценности.

Подобный «неопутинизм» по аналогии с неоперонизмом в Аргентине может оказаться важным фактором российской политической жизни в ближайшие годы, став одной из перспективных альтернатив существующему персоналистскому режиму Путина. Для преодоления текущей катастрофической ситуации, считает Никита Савин, радикальной оппозиции необходимо расширять свою базу внутри страны в том числе за счет налаживания диалога с элитами и более широкими слоями общества, которых вполне устраивает вариант сохранения статус-кво в экономике, политике и социальной сфере после ухода Путина и прекращения начатой им войны. Размен действующего главы государства на сохранение сложившихся при нем приоритетов социальной и экономической политики может позволить завершить войну и открыть возможности для смягчения режима внутри страны.

На похожей платформе строится [позиция](#) Ильи Гращенкова, который считает сложившуюся ситуацию отклонением от пути построения государства в России. «Достроить» это государство значит отказаться от чрезвычайных и силовых методов управления и разделить с обществом ответственность за принимаемые решения. Развитая система электронных государственных услуг вполне совместима с моделью демократического самоуправления и более широкого политического участия. Существующие элиты по большей части сохраняют свои позиции, расширив доступ к

экономическим и политическим возможностям для более широких общественных слоев.

Вместе с тем «неопутинизм» может служить лишь временным попутчиком на пути к переменам. Будучи вариантом правого популизма, это движение в случае успеха несет угрозу сохранения и повторного усиления авторитаризма в России в долгосрочной перспективе. В этом, по [мнению](#) Никиты Савина, главная опасность повестки «путинизма без Путина». **Политические амбиции представителей элиты, если они появятся, должны быть обязательно уравновешены развитыми демократическими институтами.**

Без активного политического участия народа и его лидеров демократизация страны невозможна в принципе. Собственно, самое время перейти от разбора ситуации в элитах к российскому обществу в целом. И здесь главное, что предстоит сделать лидерам общественного мнения в том числе в российской оппозиции, — это преодолеть свой страх перед российским народом.

10.2. Политические предпочтения российского общества

Проблема идеологических предпочтений россиян, как представляется, изучена в недостаточной степени. В результате политические стратегии строятся на основе мифов о российском обществе, поддерживаемых травматической памятью о событиях прошлого. Один из ключевых таких мифов — о консерватизме русского народа — нуждается в разборе и критике в первую очередь. Далее необходимо ответить на вопросы, что в действительности является главным препятствием на пути мобилизации протестных настроений в обществе и какому массовому запросу должны отвечать те политические силы, которые смогут однажды заручиться широкой поддержкой народа. Продолжим разбираться со всеми этими вопросами по порядку.

10.2.1. Миф о консерватизме

Существующий в России авторитарный режим во многом уходит корнями в травму либеральных реформаторов 1990-х. Либеральная интеллигенция тогда практически единодушно поддержала Кремль в жестком подавлении массовых уличных протестов, проходивших под коммунистическими флагами. Вопрос об угрозе фашизма в России стал одним из ключевых в повестке либеральных колумнистов. В результате фашизм пришел не снизу, а сверху — из недр российской власти.

С ельцинских времен демофобия была одной из мощнейших эмоций правящих верхов в России и одновременно методом управления общественными настроениями. Вокруг событий 1996 г. выборы окончательно превратились в сумму технологий по удержанию власти правящей верхушкой. После президентских выборов 2004 г. функция избирателей в России полностью свелась к кламации правящего режима. Нужда кремлевской власти в союзе с либеральной интеллигенцией к этому времени тоже отпала. Так процессы, запущенные в начале 1990-х, привели к деполитизации общества, вытеснению либералов из власти и постоянно твердеющему в своей железобетонной несокрушимости российскому авторитаризму.

А что же народ, действительно ли он настолько консервативен? Удивительным образом само понятие «консерватизм» не пользуется популярностью даже среди традиционалистки настроенных россиян. Как показывают исследования Института социологии РАН, в 2018 г. только 11% респондентов высказали свое положительное отношение к этому ценностному понятию. Ровно в два раза большее число участников опроса (22%) сказали, что консерватизм вызывает у них скорее отрицательное отношение. Более половины (51%) опрошенных негативно оценивает национализм при его поддержке со стороны 8%. Глядя на данные таблицы 1, легко обнаружить, что расстановка первых десяти ценностных приоритетов россиян далеко не в пользу консерватизма. Более-менее консервативными в этом списке выглядят только вера (63%), духовность (63%) и отчасти советский человек (56%). В то же время верхнюю часть списка наряду с Россией (79%) занимают такие вполне либеральные понятия, как справедливость (84%), свобода (78%) и права человека (73%).

Таблица 1

Ассоциации, возникающие у респондентов в отношении ряда понятий, составляющих идейно-политическую палитру современного российского общества, %, 2018 г.¹⁶

Понятия	Скорее положительные	Нейтральные	Скорее отрицательные	Не понимаю смысл данного слова
Справедливость	84	13	2	1
Россия	79	18	2	1
Свобода	76	21	2	1
Права человека	73	24	2	1
Собственность	68	29	3	1
Равенство	65	30	4	1
Вера	63	33	3	1
Духовность	63	32	4	1
Советский человек	56	36	7	1
Богатство	53	40	7	1

Более свежий опрос 2023 г. независимой исследовательской группы Russian Field «180 дней до выборов президента» также показывает неровное отношение респондентов к традиционализму и националистическим установкам. Более половины опрошенных нейтрально восприняли бы кандидата-женщину, еврея, мусульманина или уроженца Северного Кавказа. Показатели негативного отношения по этим позициям варьируются от 29% (женщины) до 33% (кавказцы). Возможный кандидат с нетрадиционной сексуальной ориентацией отталкивает 80% опрошенных и вызывает нейтральное отношение только 17%. На втором месте отрицательного рейтинга кандидат старше 70 лет, отталкивающий 68% участников [опроса](#).

¹⁶ Полностью таблицу см. Петухов В.В. Идейно-политические предпочтения россиян: смена дискурса // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Том. 8. № 4. С. 29.

График 1

Какие из следующих характеристик кандидата в Президенты России будут Вас скорее привлекать, какие — скорее отталкивать, а какие не будут влиять на отношение?

Здесь важен один нюанс: только 43% опрошенных *Russian Field* однозначно собирались голосовать за Путина, столько же были бы готовы поддержать альтернативного кандидата. В отчете полстеров подчеркивается, что представители той половины респондентов, которые предпочли бы альтернативного кандидата, чаще выражают нейтральное или положительное отношение к кандидату-женщине, кандидату моложе 40 лет, предпринимателю или еврею. При этом однозначный консерватизм демонстрирует только половина железобетонных сторонников Путина. Среди тех, кто готов голосовать за действующего хозяина Кремля, 49% сделали бы это даже в случае запрета в России аборт. Половина из 40 с лишним процентов сторонников действующего режима — таков примерный объем аудитории консерваторов в России.

Таким образом, традиционалисты в России есть, но они не составляют большинства и совершенно точно не определяют всей политической повестки. Устойчивых традиционалистских взглядов придерживается примерно одна пятая всех согласившихся принимать участие в социологических опросах. Из комментариев к полстерам следует, что консервативные взгляды в большей степени присущи людям старше 45 лет, принадлежащим к социально незащищенным и малообразованным слоям общества. Более молодые, урбанизированные и образованные респонденты демонстрируют большую толерантность по отношению к меньшинствам и открытость современному образу жизни.

Сделанные выводы отчасти подтверждает и исследование научного

руководителя Левада-центра Льва Гудкова, посвященное состоянию массового антисемитизма и ксенофобии в условиях военных действий России в Украине¹⁷. В своих выводах он подчеркивает, что ситуация с этнической напряженностью и ксенофобией в России выглядит «более спокойной» по сравнению с данными опросов десятилетней давности. Война пока не привела к повышению уровня напряженности и конфликтов между русскими и другими этническими группами российского общества. Так, позитивное отношение к евреям высказывают 88% респондентов. Это демонстрирует «тенденцию к улучшению», которая связывается автором с приходом молодого поколения, не заставшего времена государственного антисемитизма в СССР и в силу этого в гораздо меньшей степени подверженного идейной и бытовой юдофобии¹⁸.

Приверженность традиционализму и ксенофобии, как видно, не является ключевой проблемой российского общества. Все страхи либеральных реформаторов 1990-х, связанные с ожиданием черносотенных погромов и победы «русского фашизма» снизу, никогда в полной мере не соответствовали действительности, а в настоящее время полностью устарели. Подлинные проблемы российского общества заключаются не в якобы имманентно присутствующем ему консерватизме, а совсем в другом.

10.2.2. Аномия и выученная беспомощность

Плохая структурированность политического пространства, рассогласование представлений о политике, состояние политической апатии — так в 2012 г. описывал состояние политической аномии в России Сергей Медведев, в ту пору профессор факультета прикладной политологии Высшей школы экономики¹⁹. Эта политическая аномия возникла в 1990-е гг. на фоне крушения ценностей, норм и институтов рухнувшего советского общества. Она усугубилась в 2000-х вследствие общественной усталости от радикальных перемен и массового погружения в угар консьюмеризма во время нефтегазового бума «нулевых». В 2012 г. Россия прошла очередную важную развилку своей истории, двинувшись на дно сегодняшнего персоналистского режима. Аномия 30 лет продолжала

17 Гудков Л.Д. Состояние массового антисемитизма и ксенофобии в условиях военных действий России на Украине // Вестник общественного мнения. 2023. № 1—2 (134). С. 94—107.

18 Гудков Л.Д. Указ. соч. С. 106.

19 Медведев С.А., Томашов И.А. Политическая аномия в современной России. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 275—276.

доминировать в российской политике и к настоящему моменту стала привычным контекстом и общим фоном общественной жизни в стране.

Поражение массовых протестов в Москве зимой-весной 2011—2012 гг. породило дополнительный крайне негативный эффект у той части общества, которая тогда спонтанно ринулась в политическое участие. Митинги на Болотной площади и проспекте Сахарова, весенние прогулки с писателями по бульварам и молодежный «Оккупай Абай» — все это не принесло желаемых результатов. В итоге надежда на перемены к лучшему была убита в самых перспективных с точки зрения возможных политических перемен социальных слоях. В психологии это состояние называют «выученной беспомощностью», когда человек не имеет возможности повлиять на что-то (в нашем случае на политику) и отказывается от попыток что-либо изменить. Еще до войны этот термин начал часто использоваться применительно к политической (не)активности российского общества. Об этом феномене [говорят](#) и теперь, в том числе пытаюсь [найти пути преодоления](#) выученной беспомощности. Однако пока эксперты в основном фиксируют проблему, практически не предлагая способов ее решения.

Состояние умов в России XXI в. приглашенный исследователь Принстонского университета Григорий Юдин характеризует в терминах деполитизации. В условиях путинского авторитаризма общество и избиратели выполняют функцию «народа по запросу». Его удел — частная жизнь, зарабатывание денег и потребление, любое коллективное действие в глазах власти выглядит подозрительным, а потому осуждается и рано или поздно наказывается. Вместе с тем по первому требованию сверху народ должен являться на избирательные участки, чтобы голосовать за власть и тем самым раз от раза подтверждать ее легитимность. После этого можно снова удаляться в частную жизнь. Внедрение системы электронного голосования в последние годы довело эту систему до совершенства. Граждане могут даже не видаться на избирательном участке: достаточно нажать на кнопку, и все — [«твой долг выполнен, можешь идти дальше полоть грядки»](#). В 2018 г. социологи заметили начавшуюся тенденцию к реполитизации сверху, но похоже, что власть решила оставить эти попытки как бесперспективные и вредные для себя.

Доминирующая в российском обществе негативная идентичность («мы хуже других») разрушает основы гражданской солидарности, эмпатии

и доверия²⁰. Именно это печальное обстоятельство составляет главное препятствие на пути демократизации России и в значительной степени ослабляет ее перспективы.

Деполитизация, в основе которой лежит аномия и выученная беспомощность, неплохо подтверждается эмпирическими данными. Если посмотреть на проведенное Институтом социологии РАН исследование динамики политических предпочтений россиян в период путинского правления, картина окажется впечатляющая. 42% опрошенных в 2019 году признались, что не относят себя к сторонникам каких-либо идейных течений, еще 12% респондентов затруднились с ответом, 17% туманно высказались в пользу «сочетания разных идей»²¹. 71% российских респондентов либо откровенно признает свою аполитичность, либо скрывает ее за размытыми формулировками. Кажется, мы нашли главную проблему российского избирателя.

Таблица 2

**Динамика идейно-политических предпочтений россиян,
%, 2001—2019 гг.²²**

Идейные позиции	2001	2011	2017	2019
Относят себя к либералам, сторонникам рыночной экономики	7	5	5	6
К сторонникам коммунистов	12	12	8	11
К сторонникам обновленного, реформированного социализма (например, к социал-демократам)	4	6	6	7
Стоят за сочетание различных идей, избегая крайних и радикальных	16	17	14	17
Не являются сторонниками никаких идейных течений	39	41	43	42
Затруднились ответить	16	13	20	12

Если посмотреть на таблицу 2, станет понятно, что проблема аполитичности российских граждан совсем не нова. При этом число сторонников либеральных, социал-демократических и коммунистических взглядов в равной степени незначительно мало и представляет маргинальную группу политически активных граждан.

20 Гудков Л.Д. Негативная идентичность. Настроения населения России в ситуации кризисов и войны // Вестник общественного мнения. 2023. № 1—2 (134). С. 169—170.

21 Петухов В.В. Указ. соч. С. 27.

22 Там же

Авторы исследования считают, что «общее соотношение условно идеологизированных и идеологически индифферентных россиян» составляет 60% против 40%²³. Однако среднее арифметическое суммы трех «безыдейных» ответов за первые два десятилетия XXI в. составляет 72,5%. Итого без малого три четверти россиян не имеют никакой политической позиции, либо высказывают ее крайне неопределенно. Воистину, эта цифра проливает свет на подлинный характер и масштаб катастрофы российского общества, переживаемый на протяжении всего путинского режима.

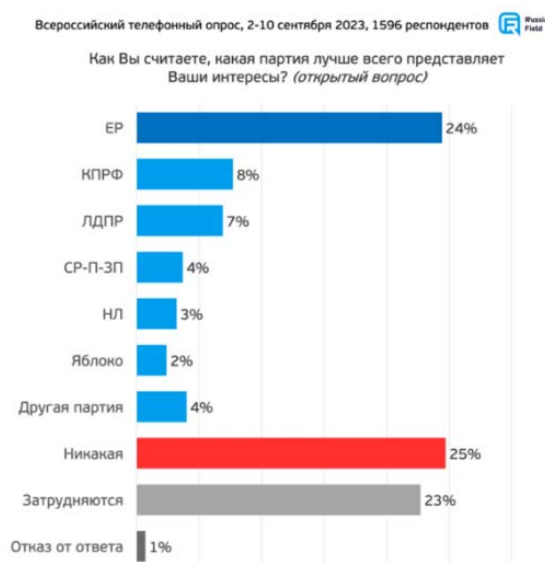
Приведенные данные в целом коррелируют с результатами исследования политических настроений и ожиданий в молодежной среде, проведенного Левада-центром в 2020 г. Тогда только 19% опрошенных россиян в возрасте от 14 до 29 лет ответили, что проявляют интерес к политике. 57% признались, что политикой не интересуются. Лишь 7% молодых респондентов [заявили](#) о готовности принимать участие в политической деятельности, а 66% не хотели бы этого делать. Получается, что в молодежной среде показатель увлечения политикой даже немного ниже, чем в целом по стране. Наличие политических взглядов так или иначе демонстрирует 20—25% россиян, а к политическому участию готовы менее 10%.

Не менее печально картина выглядит, если задать вопрос о представительстве интересов. Большинство участников последнего полстера Russian Field [говорит](#), что их интересы не представляет ни одна из существующих партий (25%), еще 23% затрудняются с ответом. То есть половина граждан либо открыто признает, что их интересы никто не представляет, либо уходит от ответа на поставленный вопрос.

23 Петухов В.В. Указ. соч. С. 32.

График 2

Представительство интересов

Таким образом, в лучшем случае только четверть граждан России проявляет интерес к политике и демонстрирует наличие каких-либо стойких политических взглядов. При этом половина российских избирателей считает, что их интересы не представляет ни одна из существующих политических сил. Налицо ситуация политического вакуума, в котором царит использующая симулякры слабая и безальтернативная власть Путина.

10.2.3. Запрос на социальную справедливость

Наблюдаемый в сегодняшней России политический вакуум возник не сам по себе, но стал результатом проведенного в течение последних трех десятилетий неолиберального эксперимента. В этом году прошло ровно 30 лет с того момента, когда в результате расстрела Дома советов на Краснопресненской набережной российское государство поставило жирную точку на таких понятиях, как равенство возможностей для всех, социальные гарантии слабым и социальная ответственность для сильных. Если советское общество оказалось несбыточной мечтой о равенстве, то сменивший его «дикий капитализм» окончательно выкинул справедливость на свалку истории. Государство Ельцина и Путина открыто признало невозможность и ненужность справедливости в общественной повестке,

тем самым отменив политику как таковую.

Аристотель определяет политику как «сотрудничество ради высшего блага»²⁴. Он раскрывает понятие высшего блага как справедливость, представляющую ту или иную форму равенства. Отменив справедливость в начале 1990-х, постсоветский режим уничтожил главную цель политического общения. Вслед за этим политика из общего дела нации превратилась в набор технологий по удержанию власти правящей коалицией элит. Путин 24 года своего правления ухитряется поддерживать эту систему на плаву за счет манипуляций и точечного террора.

Но несмотря на 30 лет политического вакуума, в России сохраняется возможность подлинной реполитизации. Возвращение политического возможно только в случае переосмысления и перезапуска повестки справедливости. Это ровно та точка, в которой сегодняшним российским элитам рано или поздно придется уступить требованиям общества. **Возвращение справедливости в публичную повестку станет основой не только реполитизации, но и расширения демократических свобод в стране.**

Помещение вопроса о справедливости (и как следствие, о равенстве) в центр политической повестки вовсе не означает возвращения в Советский Союз. Такое возвращение невозможно и никому не нужно, это хорошо понимают в сегодняшней России. Тот факт, что в социологических опросах постоянно возникает апелляция к опыту Сталина и советскому образу жизни, вовсе не означает реальной ностальгии по СССР и желания туда вернуться. За этим ресентиментом скрывается нечто другое — неудовлетворенная «потребность в солидарных общественных отношениях, в обществе с минимумом социальных рисков и с высоким уровнем социальных гарантий»²⁵. С большой долей вероятности и «тоска по сильной руке» на самом деле не что иное, как желание институтов, способных гарантировать порядок и предсказуемость в отношениях между людьми. «Сильная рука» при ближайшем рассмотрении превращается из тени генералиссимуса в идею верховенства права. Просто в отсутствие релевантного политического языка люди используют клише, навязываемые им сразу несколькими недобросовестными кремлевскими спойлерами вроде КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России».

О том, что в России растет запрос на новую левую партию, качественные СМИ в России писали еще в 2018 г. Тогда же близкие к Администрации

24 Aristotle. Politics. London: William Heinemann LTD; Cambridge, MA: Harvard University Press, 1932. P. 3.

25 Петухов В.В. Указ. соч. С. 35.

президента эксперты [признавали](#), что «в России запрос на справедливость и правду традиционен». Правда, кремлевские политтехнологи не скрывали, что видят в этом угрозу, и выстраивали манипулятивные стратегии борьбы с «драконом популизма». Кремлевские структуры продолжают внимательно отслеживать запрос на социальную справедливость и после начала войны. Об этом свидетельствует опрос ВЦИОМа об отношении россиян к социальной справедливости, проведенный вскоре после мятежа Евгения Пригожина. Согласно официально опубликованным данным, 36% опрошенных [видят](#) социальную справедливость в равенстве всех перед законом, 20% называют справедливым социальный порядок, при котором «положение каждого определяется результатами его труда», еще 19% видят справедливость в экономическом равенстве, понимаемом как отсутствие сильно выраженной разницы в доходах. Все это в целом отвечает общеевропейским представлениям о социальной справедливости.

Путинское государство делает все возможное, чтобы заблокировать запрос российского общества на социальную справедливость. Писатель и публицист Алексей Цветков в этой связи [прямо говорит](#), что «политической заглушкой» на пути реализации левых идей в России служит КПРФ. К этому можно добавить слова кремлевского политтехнолога Евгения Минченко о необходимости многих [«маленьких драконов»](#), способных распылить голоса протестных избирателей и/или отвадить их от политического участия. Выдвигая на передний план неосталинистский дискурс и прочую архаичную тематику, они целенаправленно отпугивают и демотивируют значительную часть потенциальных избирателей. Эта технология заставляет протестный электорат отказываться от политического участия и оставаться дома во время выборов: их запрос на современное социально ответственное государство никто не готов удовлетворить.

Сложилась парадоксальная ситуация: Россия в целом остается обществом с большим левым потенциалом и запросом на изменение существующего порядка на принципах социальной справедливости, но эта левая повестка не находит должного отражения в программах существующих политических партий. Адекватной повестки социальной справедливости не предлагают ни кремлевские спойлеры, ни внесистемная оппозиция. На позиции последней сказывается сильное влияние идейных потомков либеральных реформаторов 1990-х, которые боятся возвращения коммунизма и русского фашизма одновременно, при этом власть и ее спойлеры симулируют левые идеи под прикрытием ностальгии. В итоге народ ушел в частную жизнь, где занят выживанием отдельно от государства — фактически в том, что Гоббс называл естественным

состоянием. То, что жизнь человека в этом состоянии «одинок, бедна, беспросветна, зверина и кратковременна»²⁶, более-менее доподлинно известно 80% россиян.

Правильный ответ на сформулированный в сегодняшней России скрытый запрос на социальную справедливость и есть способ возвращения в политику миллионов граждан страны. Речь при этом должна идти не о популизме, а о выполнении той социальной ответственности, которую должно нести современное демократическое государство. Именно этого хотят россияне больше всего, ради идеи справедливости они рано или поздно вернуться в политику, чтобы отстаивать собственные социальные права. Задача оппозиции состоит в том, чтобы понять желание народа и дать на него адекватный ответ.

10.3. Необходимое партнерство на пути к переменам

Задача демократизации существующего режима может выполнена только в случае возвращения политики в жизнь широких слоев общества. Поскольку политика есть партнерство ради общего блага, важнейшим условием обретения этого общего блага должно стать возвращение повестки социальной справедливости. Ее обеспечение предполагает прежде всего создание и соблюдение понятных и равных для всех правил игры. Это сделает жизнь элит и общества в целом более предсказуемой и стабильной. Справедливость предполагает верховенство права, которое и должно стать той «сильной рукой», о которой все последние 30 лет так мечтали в России. Именно власть права и институтов должна управлять жизнью людей в интересах их развития и процветания. Без консенсуса по этому вопросу невозможна никакая коалиция власти, способная обеспечить успешный демократический транзит.

10.3.1. Возможная точка консенсуса в элитах и обществе

Российская политическая элита больше всего хотела бы вернуть статус-кво, существовавшее до конца февраля 2022 г. Но чем дольше длится война, тем более призрачной выглядит такая возможность. Для сохранения остающихся позиций условная придворная партия «путинистов без Путина» может решить возложить всю вину на начальника и попытаться вернуться к устраивавшей их и стремительно утрачиваемой норме. Это может запустить процессы, способные вызвать верхушечный переворот и

26 Гоббс, Т. Левиафан. М: РИПОЛ классик, 2016. С. 182.

внезапное устранение действующего главы государства.

Оппозиции, находящейся либо в эмиграции, либо глубоко законспирированной внутри страны, необходимо быть готовой к подобному ходу событий. **В момент падения путинской власти выиграет тот, кто окажется способен предложить массам образ желаемого общественного устройства и конкретный план по его достижению.** Элиты и общество воспримут этот образ будущего только в случае, если он не будет предполагать коренного разрушения существующих норм, правил и институтов, но при этом будет содержать понятные параметры справедливого порядка.

Элиты, исходя из чувства рациональности, должны согласиться с необходимостью возвращения социальной справедливости, предполагающей расширение общественного доступа к экономическим благам и политическому участию. Власть невозможно удерживать без ответственности, политической и социальной. Когда эта ответственность будет признана государством и коалицией правящих элит, свершится то, что некоторые авторы называют «достраиванием государства» в России.

10.3.2. Потенциальный состав политических акторов постпутинского транзита

Возвращаясь к фигуре первого президента Третьей республики, стоявшего во главе Франции до принятия новой конституции, следует отметить, что при всей своей сервильности режиму Наполеона III депутат законодательного собрания от карманной оппозиции Адольф Тьер позволил себе выступить с осуждением начала Франко-прусской войны. Его публичное заявление на какое-то время наложило на него клеймо национал-предателя, но позднее именно Тьер оказался человеком, способным принять бразды правления внезапно рухнувшей империей.

Глядя на сегодняшнее политическое пространство в России, мы можем обнаружить незначительное число потенциальных фигур, способных сыграть роль Тьера после того или иного способа устранения Путина из политического действия. Вряд ли сегодня можно всерьез рассматривать вариант с передачей кремлевского скипетра какому-либо преемнику. Скорее всего, уход действующего первого лица произойдет внезапно, что само по себе вызовет шок и коллапс в первую очередь в самой правящей верхушке. Ни один из высших чиновников сегодняшней путинской вертикали не захочет нести ответственность за выбывшего из игры патрона; вся вершина пирамиды власти может быть снесена в считанные

дни и даже часы. И тогда настанет главное испытание для остающихся легитимных институтов власти.

Как может выглядеть развитие событий в этом случае?

Глава государства исчезает (причины — смерть, тяжелая болезнь, бегство или арест), премьер-министр и глава Совета Федерации отказываются от исполнения обязанностей. Новый спикер Совета Федерации вступает в должность и.о. президента и подписывает три указа:

- О прекращении боевых действий в Украине, выводе войск и начале мирных переговоров;
- Об освобождении всех политических заключенных;
- О введении в России режима чрезвычайной ситуации сроком на полгода.

Главой переходного правительства назначается известный «системный либерал», возвратившийся из корпоративного бизнеса. В обязанности нового премьера входит организация круглого стола политических и общественных сил страны на базе реанимированных Общероссийского гражданского форума и Центра стратегических разработок.

Новый председатель Конституционного суда, уважаемый общественный деятель и правозащитник, признает незаконными и отменяет действие неправовых законов и поправок в Конституцию.

За полгода административной элите удастся обеспечить транзит власти без избрания нового президента, подавив вооруженные выступления отдельных радикалов, перестроив партийно-политическую систему и обеспечив чувство социальной защищенности широким слоям общества.

Параллельно идет переформатирование партийного поля. Оставшимся крупным партиям придется договариваться о коалиции с вернувшимися из тюрьмы и эмиграции либеральными политиками. Молодые политики из КПРФ вполне способны создать на основе ее структур новую партию «демократического социализма». Небольшой сегмент справа будет оккупирован «патриотами России».

Сторонники «партии власти» «Единая Россия» либо уйдут со сцены, либо будут вливаться в соседние проекты.

В новой Государственной думе найдется место и популярным видеоблогерам, и политическим узникам, и старым партийным функционерам. После избрания нового состава Государственной думы нужно немедленно запустить процедуру принятия новой Конституции, по которой Россия будет объявлена парламентской республикой.